

УДК 82"19/20"

**ТОПОС «КНИГА» В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ****Е. Ч. БОГДЕВИЧ***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)**helen-bogdevich@yandex.by*

Представлен анализ топоса «книга» в литературном процессе рубежа XX – XXI вв. Выявлена специфика структуры топоса: в качестве ядрообразующих семантических элементов выступают отрицательно маркированные компоненты бинарных оппозиций, отражающих базовые философские уровни – онтологический, аксиологический, гносеологический. Структура топоса определяет развитие сюжета, выстраивает систему персонажей, а также предопределяет хронотоп произведения. Выступая в качестве устойчивого образа, наделенного пространственными координатами, топос «книга» представлен в тексте различными субтопосами. Для литературы последних десятилетий характерными являются следующие пространства: собственно книга, библиотека (традиционные пространственные образы, первичная интерпретация которых связана с актуализацией представления о «живом» книжном знании; однако в современной литературе, развивающейся в рамках тенденции к архивизации культуры, даже эти субтопосы осмысливаются как отрицательные пространства), а также нетипичные локусы – архив, музей, букинистическая лавка, демонстрирующие ценностный взгляд на мир человека переходного исторического периода.

Ключевые слова: *топика, топос «книга», структура топоса, субтопос, постмодернизм.*

Введение. Актуальным направлением современных литературоведческих исследований является изучение культурных стереотипов, констант, универсалий – ментальных пространств, структура которых представляет собой ядро и периферию, отражающую аксиологическую составляющую мировоззрения конкретной эпохи. В качестве подобного рода элемента художественного произведения выступает топика, с одной стороны, концентрирующая в себе вечные ценности, что позволяет ей выступать в качестве устойчивого уровня художественного произведения, с другой стороны, подверженная трансформациям, обусловленным объективными (культурно-историческая ситуация) и субъективными (индивидуально-авторская эпистема) факторами. Особым пространством памяти в художественном тексте является топос «книга». Будучи универсальным элементом, он способен появляться в разные эпохи в разных культурах. Книга, выступая в качестве культурной реалии, в своем материальном воплощении воспринимается как маркер эпохи. Специфика интерпретации книги писателями разных эстетических направлений позволяет говорить об анализируемом топосе как элементе, выполняющем функцию рефлексии по отношению к социокультурной ситуации. В зависимости от авторской эстетической установки актуализируется та или иная семантическая составляющая топоса, что отражает аксиологические представления человека определенной эпохи.

Основная часть. Структуру топоса составляет система бинарных оппозиций, отражающих базовые философские категории – онтологию, гносеологию, аксиологию. Данные уровни познания мира определяют ядрообразующие и периферийные уровни структуры топоса. Расположение элементов названных оппозиций может быть представлено на двух осях: горизонтальной и вертикальной. Первая предполагает равноценность семантических блоков, их одновременное сосуществование (аксиологические, онтологические оппозиции): несмотря на то, что в разные исторические периоды предпочтение отдавалось одному из значений, составляющих ядро топоса, наличие второго элемента не подвергалось сомнению. Анализ топоса «книга» в текстовом пространстве с точки зрения *аксиологии* неизбежно связан с вопросом о ценностной значимости книги как потребности души в противовес потребности тела или наоборот. Амбивалентность топоса «книга» обуславливает возможность сосуществования противоположных сем в границах одного художественного произведения. «Жизнь», «память» как центральные элементы *онтологической оппозиции* представлены в топосе «книга» сквозь призму противоположных семантических элементов, что четко выражено уже в тексте Библии: Книга Жизни фиксирует имена тех, кто достоин обрести Рай, и тех, кто обречен на небытие, забвение. *Гносеологическая оппозиция* может быть охарактеризована как развивающаяся на вертикальной оси до рубежа XX – XXI вв. Восприятие книги как носителя истинного знания характерно вплоть до конца XX века; элемент «ложное знание» становится актуальным только в литературе последних десятилетий.

Онтологическая оппозиция «жизнь – смерть» как вариант структуры топоса в литературе рубежа XX – XXI вв. представлена сюжетом, отсылающим к мифам о владении книгой, согласно которым книга – источник власти. Однако в произведениях современной литературы акценты смещены: наслаждение вла-

стью, стремление управлять миром посредством Логоса предопределяет сопряжение топоса «книга» с мотивами смерти, насилия, то есть происходит смещение полюсов онтологической оппозиции, центральное положение в структуре занимает отрицательно маркированный компонент. На сюжетном уровне подобные трансформации проявляются на сюжетном и персонажном уровнях.

В центре романа М. Елизарова «Библиотекарь» (2007) – книги некоего писателя Громова, наделенные безграничной силой: позволяют читающим их набраться терпения, в поисках успокоения обратиться к памяти (причем воспоминания всегда выборочны, актуализируют только положительные стороны прошлой жизни), почувствовать безграничную власть и т.д.: «И все же у Громова имелись настоящие ценители. Они рыскали по стране, собирая оставшиеся книги, и ничего не пожалели бы за них. Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плесы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия – Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...» [1, с. 5].

Собрать книги необходимо, чтобы избранный герой – библиотекарь – читая их, защищал страну от всевозможных угроз: книга воспринимается как предмет, обладающий сверхъестественной силой. Вынесенные в заглавия книг положительно маркированные концепты в контексте общей художественной картины меняют вектор интерпретации на отрицательный, что, однако, не мешает герою обрести могущество: «Тот, кто читает Книги, не ведает усталости и сна, не нуждается в пище. Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига. Этот чтец – бессмертный хранитель Родины. Он несет свою вахту на просторах мироздания. Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна. Таков был Замысел Книг». Библиотекарь не просто владеет книгой, а обязательно читает ее, практически не останавливаясь. Библиотекарь, хранитель книг, таким образом, выполняет особую миссию: «Но есть тайный человек, владеющий сокровенным Семикнижием. Ему известно – куда читаются Книги, одна за другой, без перерыва, страшный Враг бессилен» [1, с. 216]. Согласимся с О.Н. Турышевой, отмечавшей, что в романе М. Елизарова «архетипический сюжет о спасительности чтения оказывается травестийно вывернут наизнанку» [2, с. 240]. Разрушающая сила книг проявляется, с одной стороны, в их влиянии на жизнь человека (главным образом, Алексея Вязинцева, который становится «библиотекарем» против своей воли); с другой стороны, в сюжетном элементе – «битвах читален», которые М. Елизаров описывает с натуралистической точностью.

Семантика разрушения в топосе «книга» актуализируется Вс. Бенигсеном в романе «ГенАцид» (2009). Эксперимент, проводимый в деревне Большие Ущеры, направленный на «охрану литературного наследия России», приводит к необратимым последствиям. Следуя политике ГенАцида («Государственная Единая Национальная Идея»), местные власти закрепляют за жителями деревни «литературное наследие» – тексты, которые в трехнедельный срок должны быть выучены наизусть. Распределяет тексты библиотекарь Антон Пахомов: «придвинул к себе список жителей Больших Ущер, и какое-то приятное чувство охватило его естество. Он вдруг почувствовал себя военным стратегом перед картой сражения. Вот он, краткий миг его славы. А эти люди... ха! спят и не ведают, что судьба их находится в похмельных пахомовских руках» [3, с. 28]. Отчасти данный эпизод также демонстрирует идеи, близкие произведению М. Елизарова: владеющий книгой владеет судьбами людей. К литературе жители деревни подходят с опаской, однако уже через неделю в деревне буквально «витают литературный дух». Образовались своеобразные коалиции: «заики» (учили прозаический текст) и «рифмачи» или «штрафники» (от слова «строфа»), которые делились на более мелкие группы в зависимости от темы произведения и его объема: «Умные или философские стихи называли “филиями” (от “философии”); тех, кто их читал, – “простофилями”, ставя, таким образом, с ног на голову исконное значение» [3, с. 70]. Ситуацией, маркирующей смену пафоса повествования (от иронического к трагическому), становится самоубийство Серикова, которому для заучивания достался рассказ А.П. Чехова «Студент». Нелепой кажется большеущерцам смерть Серикова, «наивного» читателя, отождествившего себя с героем текста, увидевшего в литературном персонаже собственные черты. В умах людей происходит кардинальный переворот, они осознают бесчеловечность эксперимента, вина во всем библиотекаря Пахомова. Трагедия объединяет деревенских жителей на борьбу со злом: в состоянии бессознательной ярости большеущерцы убивают Мансура, единственного приятеля Пахомова, сжигают библиотеку («бастион»), а вместе с ней и библиотекаря: «Деревянное здание библиотеки превратилось в один большой факел, где внутри, обретая последнее единение, горели авторы, а снаружи шумели объединившиеся большеущерцы» [3, с. 185]. Субтопос горящей библиотеки позволяет создать «образ символического уничтожения первобытным хаосом человеческой культуры и цивилизации» [4, с. 36]. В произведениях М.Ю. Елизарова и Вс. Бенигсена типичными становятся образы, связанные с насилием, смертью. Сема «смерть» занимает положение ядра, а оппозиционный элемент – «жизнь» – смещен на периферию, что влечет за собой актуализацию сюжета, демонстрирующего деструктивную силу книги.

Гносеологический уровень структуры топоса «книга» представлен концептами «знание» / «незнание» (или «ложное знание»). Сомнение в восприятии книги как источника истинного знания отражено в романе Д. Глуховского «Метро 2033» (2005). Сюжет произведения динамичен, разбит на несколько значимых отрез-

ков, один из которых – путешествие за Великой Книгой. Герои Д. Глуховского вынуждены выживать, бороться за существование; логично, что в подобной ситуации чтение и книга как факторы поддержания духовности оказываются не востребуемыми. «Но едва только общество переходит от “первобытнообщинного” строя к кастовому (Полис), книга сразу приобретает новое значение. Она превращается в Спасение, в панацею от бед человечества» [5, с. 167]. Согласно легенде, существует магическая Книга, скрывающая в себе ответы на все вопросы. Главный герой, Артём, воспринимается «хранителями» как спаситель, которому должна открыться тайна Книги: «Всю Великую Библиотеку строили для одной-единственной Книги. И лишь одна она там и спрятана. Остальные нужны только чтобы ее скрыть. <...> На антрацитно-черных страницах золотыми буквами там вся История записана. До конца» [6, с. 194]¹.

Герой попадает в Великую Библиотеку (в тексте прямо указывается на то, что это – Ленинская библиотека, ее описание полностью соответствует реальности), однако Книгу, которая, по словам хранителя, должна сама позвать героя, ему отыскать не удастся. О.Н. Турышева отмечает: «данная сюжетная матрица возводится к обряду инициации, ядром которого является символическое путешествие иницируемого в царство смерти» [7, с. 363]. С «царством смерти», таким образом, исследователь соотносит собственно книгу, в то время как в романе Д. Глуховского это пространство представлено образом библиотеки, неизменные хранители которой – библиотекари, страшные существа гигантских размеров, оберегающие книги от людей.

Оппозиция «потребность души – потребность тела» формирует *аксиологический уровень* структуры топоса «книга»: центральным компонентом топоса становится сема «потребность тела», что влечет за собой переосмысление функций книги.

Традиционная метафора книги как «пищи для ума» оказывается реализованной в романе В. Сорокина «Манарага» (2017). Автор акцентирует внимание на особой энергетике книги, которая передается вместе с едой, приготовленной на «полене». В произведении представлен процесс деметафоризации: книга-«полено» заряжает еду энергией, посредством которой герои могут прикоснуться к тайне. Обретение знания непосредственно связано с образом еды. Вкусовые качества блюда, приготовленного таким образом, не вызывают сомнений, что также отражает деконструированную библейскую семантику «сладкой» книги, а горечь вкуса может быть связана с необходимостью преодоления себя.

Смещение ядрообразующих и периферийных значений аксиологического уровня проявляется в актуализации эротических метафор, сопряженных с топосом «книга». Тема чтения в романе Б. Шлинка «Чтец» (1995) является одной из центральных (наряду с мотивами памяти и прощения). Герой, юный Михаэль Берг, знакомится с Ханной Шмиц, которая старше 15-летнего юноши более чем на 20 лет, между ними завязывается роман: «Чтение вслух, душ, занятия любовью, а потом еще немножко нежностей в постели – таков был теперь неизменный ритуал наших свиданий» [8, с. 32]. Образ книги в данном произведении может быть истолкован как символ наслаждения: для героев физическое удовольствие и удовольствие духовное равноценны, именно поэтому чтение становится для них «обязательным ритуалом». Ханна выступает в роли наивного читателя, она полностью отождествляет себя с героями книг. Чтение вслух может быть интерпретировано как составляющая мифологического мотива инициации, что подтверждается сосуществованием данного мотива с мотивом эротического наслаждения. Инициацию проходит не только и не столько мальчик-подросток, сколько героиня, которая обретает способность к рефлексии над собственными действиями. Условный уровень интерпретации чтения как наслаждения в тексте уступает в значимости деметафоризованному образу: топос «книга» становится связующим звеном между диаметрально противоположными компонентами ценностной бинарной оппозиции. Происходит совмещение пластов, и аксиологическая дихотомия приобретает горизонтальную направленность, т.е. становится возможным сосуществование в пространстве художественного целого концептов «душа» и «тело».

Идея сопряжения наслаждения физического и духовного в связи с топосом «книга» представлена в новелле Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк» (2004). Здесь также актуализируются мотивы памяти, преемственности поколений, тайны в связи с собственно книжными образами. Местом действия становится средневековая библиотека, где прошли последние, перед поступлением в семинарию, каникулы главного героя. Дядя, хранитель библиотеки, приобщает мальчика к книжному делу, прививает ему любовь к книгам: «духовное и телесное гармонично соединяются лишь в мире слов» [9, с. 278]. Перед нами герой, которого не удовлетворяют исключительно духовные ценности, он ищет возможности насладиться женской красотой, помогая дяде, выдавая тапочки многочисленным посетительницам библиотеки. Библиотека становится местом, где сосуществуют как телесное, так и духовное. В мир средневековой библиотеки проникают несвойственные ему идеи физического наслаждения, в пользу которого совершает выбор главный герой. Юноша выбирает жизнь, наполненную удовольствиями, отказываясь от безжизненных каталожных карточек.

Таким образом, в структуре топоса «книга», выступающего в качестве сюжетообразующего фактора в постмодернистском тексте, доминирующими оказываются отрицательно маркированные элемен-

¹ Идея помещения Книги в центр пространства библиотеки, восприятие ее как артефакта, концентрирующего в себе безграничную силу, скрывающего истину, характерна также для романа У. Эко «Имя розы».

ты бинарных оппозиций. Данные семантические трансформации отражают культурную ситуацию кризиса литературоцентризма. При этом разнонаправленность творческих методов художников слова начала XXI века позволяет выделить иное направление интерпретации топоса «книга», близкое традиционному и предполагающее актуализацию положительно маркированных ядрообразующих сем бинарных оппозиций. Тематическое разнообразие произведений с «книжными» сюжетами, отражение в текстах различных трактовок топоса «книга» соответствует ситуации распада философской системности, характерной для состояния искусства рубежа XX – XXI вв.

Каждая из названных ядрообразующих сем топоса «книга» обуславливает систему субтопосов – конкретных пространственных образов, находящихся в тесной взаимосвязи с иными пространствами. Включение в план содержания топоса «книга» новых значений находит отражение в плане выражения. Это проявляется, с одной стороны, в специфике изображения процесса взаимодействия героя произведения и книги как артефакта культуры, с другой стороны, в актуализации качественно иных пространств – семантически нагруженных мест разворачивания смысла.

Для литературы рубежа XX – XXI вв. характерно обращение, с одной стороны, к традиционным субтопосам, выступающим в тексте вариантами реализации топоса «книга», которые, однако, подвергаются значительным трансформациям; с другой стороны, – к качественно новым субтопосам.

Традиционное представление о мире как библиотеке, т.е. идеально упорядоченном пространстве, выступающем в качестве символа гармонии, в литературе постмодернизма существенно трансформируется. Ярким примером, отражающим специфику функционирования системы субтопосов топоса «книга», является роман У. Эко «Имя розы» (1980). Писатель развивает базовые идеи постмодернизма (ризоматичность, установка на плюральность, отказ от устоявшихся норм и традиций и др.), что прослеживается на уровне топики книги. Специфика субтопоса «библиотека» в романе проявляется, с одной стороны, на уровне собственно пространственных характеристик, с другой стороны, в аспекте ценностной интерпретации. «В постмодернистском типе философствования символическое значение приобретает образ библиотеки как постмодернистского ризоморфного лабиринта, в котором отсутствует структура и ее основные атрибуты: центр и периферия; пространство реализуется в последовательно сменяющихся виртуальных структурах: “Вселенная – эта Библиотека, Библиотека – эта Вселенная”» [10, с. 142]. На смену представлению о библиотеке как системе, логически упорядоченном единстве приходит, таким образом, модель библиотеки-лабиринта, что соответствует идее ризоматичности, представленной в произведениях писателей-постмодернистов на разных уровнях: «деконструкция культурного интертекста, децентрирование центров, структурирующих структуру, <...> приводит к появлению ризомы – самоорганизующегося хаоса неструктурированной множественности симулякров» [11, с. 152]. Ризоматичность является характеристикой не только пространственной организации произведения, но и свойством романа в целом. Установка на потенциальную множественность вариантов прочтения текста определяет ценностную составляющую интерпретации произведения и, в частности, образов библиотеки / книги. Сакральность как базовое свойство пространства топоса «книга» (субтопоса «библиотека») внешне остается неизменным: доступ в библиотеку ограничен, книга воспринимается как магический артефакт, носитель тайного смысла. Однако если традиционно книга выступает в качестве носителя истинного, божественного знания, то в романе У. Эко ценностные полюса смещены: во-первых, библиотека-лабиринт представлена как дьявольское пространство, подчиненное воле слепого монаха Хорхе, который интуитивно ощущает власть книги, не имея возможности ее прочитать; во-вторых, книга «Поэтики» воспринимается как абсолютное зло. Анализируемое произведение может быть интерпретировано как полемичное по отношению к рассказам Х.Л. Борхеса, который в качестве метафоры целостности, логичности и упорядоченности мира использовал топос «книга».

В качестве элемента пространственной организации постмодернистского текста выступает также собственно книга, что может быть реализовано на двух уровнях: реальном (книга как пространство, в котором развивается сюжет произведения, действуют герои) и ментальном (книга как модель мира, метафорическое пространство).

Книга как место развития действия представлена в романе А. Королева «Змея в зеркале» (2004). Выступая в качестве метафоры пересекающихся времен, данный топос отражает постмодернистское представление о книге (шире – тексте) как сложном, многоуровневом пространстве. Книга в этом произведении выступает в качестве той силы, которая способна направлять исторические события. Героиня, Елизавета Розмарин, неосознанно становится хранительницей книги, которая в ее сознании приобретает значимость Библии. Это книга сказок Шарля Перро. А. Королев создает новый миф, в основе которого – сражение старого (герои-антагонисты, представители пантеона древнегреческих богов) и нового (главная героиня, посланница Бога) мира / времени. Елизавета несет в себе свет, без которого победа над прошлым невозможна.

Восприятие мира обусловлено местоположением «Я» героя по отношению к книге. Героиня А. Королева, отождествляя себя с Красной Шапочкой, воспринимает события реальной жизни как сказочный сюжет. В зависимости от того, в каком пространстве действует героиня (реальном или «книжном»),

определяется и ее временное положение: если Елизавета находится в пространстве книги, то время направлено вспять, героиня возвращается к «старой вере»; при этом параллельно существует реальный мир, в котором новые боги одержали победу над старыми. Взаимопроникновение пространств обуславливает и смещение временных пластов: персонажи-боги оказываются в мире реальном, причем они не могут вспомнить о своей прошлой жизни. Единственным героем, которому удастся гармонично сосуществовать в двух мирах, является Елизавета Розмарин. Показательна в данном контексте семантика фамилии героини: розмарин на протяжении столетий выступал символом памяти. Таким образом, девушка одновременно выступает обладательницей книги, напрямую соотносящейся с памятью, и носителем памяти, что заложено уже в семантике ее имени. Воспоминание, по сути, – концентрация противоположных начал – прошлого и настоящего, синоним текста.

Качественно новым субтопосом топоса «книга», встречающимся в литературе последних десятилетий, является библиотека-музей. Данное пространство организует сюжет повести Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк» (2004). Топос представляет, с одной стороны, кладбище потерявших свою актуальность объектов, с другой стороны, музей – хранилище ценных вещей. Согласно эстетической концепции автора, библиотека-музей символизирует систему ценностей эпохи постмодернизма: духовность уступает свои позиции телесности, место, считавшееся сакральным, для юного героя связывается с наслаждением красотой дамских ног (книга, таким образом, становится компонентом эротической метафоры), а ценности экономки, Фройляйн Штарк (нравственность, порядочность), и дядюшки, утверждавшего, что Слово – есть единственная истина, остаются в прошлом. Субтопос «библиотека-музей» становится следующим звеном динамики топоса «книга» в литературе начала XXI века и отражает процесс замещения книги как культурного артефакта, обладающего значимым семантическим потенциалом, каталожной карточкой. Пространство библиотеки-музея актуализирует периферийную семантику топоса «книга», связанную не просто с замкнутостью, а с не востребованностью: оставаясь открытой для посетителей, библиотека утрачивает свою первичную функцию и выступает в качестве «мертвого» места.

Архив – специфический вариант реализации топоса «книга» – становится пространством, образующим сюжет романа Ж. Сарاماго «Книга имен» (1997). Данный субтопос предстает как ризома – точка, совмещающая в себе бесконечное количество потенциальных линий жизни или сюжета (в контексте художественного произведения). Первые страницы романа Ж. Сарاماго представляют собой описание архива и тех, кто здесь работает. Архив подразделяется на зону живых и мертвых (это основное правило сортировки личных дел): «Документы тех, кого уж нет, в относительном порядке собраны в дальней или, если угодно, тыльной части здания, чью заднюю стену <...> время от времени приходится сносить и воздвигать заново, отодвигая всякий раз на несколько метров дальше. Нетрудно сделать из этого вывод, что трудности с размещением живых <...> все же значительно менее обременительны и решались до сей поры вполне удовлетворительно» [12, с. 6]. Каждый новый руководитель архива предлагает свою систему расстановки личных дел, что приводит к хаосу в архиве, однако деление здания на зону живых и мертвых остается неизменным. Архив является местом открытым и закрытым одновременно: любой желающий может получить информацию, находящуюся в архиве, но попасть в стены хранилища могут лишь сотрудники.

Пространственная организация романа специфична: дом главного героя отделен от архива дверью, ключ от которой хранится в прикроватной тумбочке Сеньора Жозе; с другой стороны, здание архива находится в непосредственной близости от кладбища. Главный герой отправляется на поиски неизвестной женщины и узнает, что она умерла за несколько дней до того, как он нашел ее формуляр в архиве. Казалось бы, хаотичность мироздания преодолена: кладбище, находящееся за городской стеной (но соседствующее со зданием архива), – вот место, где точно всё упорядочено. Но приходит пастух, который каждое утро через кладбище гонит овец, и сообщает сеньору Жозе, что меняет таблички на свежих могилах. Подобный финал утверждает иллюзорность бытия, принципиальную невозможность обретения истины.

Идея создания коллекции редких книг привела к появлению в литературе постмодернизма субтопоса «букинистическая лавка», совмещающего в себе разнородные пространственно-временные уровни. При этом зачастую они оказываются расположенными диаметрально противоположно по отношению к точке, маркирующей границу между реальным и ирреальным мирами. Данная черта во многом обуславливает такое ядрообразующее значение топоса, как «тайна», ввиду чего анализируемый топос становится пространством развертывания детективного сюжета.

Букинистическая лавка выступает в качестве центрального пространства в романе М. Биркегора «Тайна “Libri di Luca”» (2010). Произведение, на первый взгляд, представляет собой один из многих образцов современной массовой литературы (запутанная детективная история, разворачивающаяся вокруг оваянного тайной пространства букинистической лавки), однако включение в текст в качестве центрального образа топоса «книга» выводит повествование на более сложный уровень, позволяющий интерпретировать произведение как текст, обладающий авторефлексивным потенциалом.

Тенденция «материализации» книги (то есть интерес, в первую очередь, к цене того или иного издания) в романе М. Биркегора прослеживается в описании книг, выставленных на стеллажах магазина:

«посетитель мог оценить достоинства каждой из книг: одни раскрыты на страницах с красочными иллюстрациями <...>, другие, наоборот, закрыты и повернуты таким образом, чтобы лишний раз продемонстрировать искусство полиграфиста либо мастера, изготовившего кожаный переплет» [13, с. 8]. Букинистическая лавка представляет собой вариант реализации мифологического образа мирового древа, для которого характерна трехступенчатая организация пространства: в магазине есть подвал, где герои решают повседневные вопросы, обсуждают все, что связано с убийством хозяина магазина; этаж, на котором размещаются книги, доступные для покупателей и, наконец, особое пространство, находящееся вверху магазина, – галерея: «здешние завсегдатаи сразу же окрестили новое сооружение “небесами”, ибо именно здесь под надежной защитой застекленных витрин хранились самые ценные и редкие издания» [13, с. 7]. Топос «книга» в романе М. Биркегора организует, с одной стороны, пространство произведения, с другой стороны, систему персонажей: деление на положительных героев и антагонистов происходит исходя из их восприятия книги (как значимого культурного артефакта или как средства достижения собственных целей). Букинистическая лавка выступает в качестве субтопоса, отражающего такие специфические черты современной социокультурной ситуации, как жажда коллекционирования, интерес к внешней составляющей предмета (в частности, книги), подмена понятий «ценность» и «стоимость».

Выводы. Таким образом, топос «книга» представляет собой устойчивый художественный образ, обладающий специфическими пространственными координатами, что находит отражение в системе его субтопосов. Актуализация того или иного пространственного образа обусловлена тем семантическим компонентом, который занимает центральное положение в структуре топоса. Структура топоса «книга», отражающая базовые философские категории, в литературе постмодернизма подвергается существенным трансформациям: ядрообразующее положение занимают отрицательно маркированные элементы бинарных оппозиций, что влечет за собой трансформацию сюжета. Широко представлен мотив коллекционирования, превращения книги из посредника между автором и читателем в арт-объект. На первый план выходит материальная сторона, отсюда – интерес к редким книгам, букинистическим изданиям. Гносеологический уровень интерпретации определяется образом книги, соотносящейся с ложным спасением; концепт «смерть» (как компонент онтологической оппозиции) представлен семантикой разрушения в «книжных» образах. С другой стороны, в современной литературе представлены тексты, отражающие толкование книги как инструмента спасения. При этом способ утверждения традиционных идей имеет специфические черты, не характерные для произведений предшествующих культурных эпох: топос «книга» как метафора жизни представляется сквозь призму смерти, что реализуется, с одной стороны, на уровне сюжета, с другой стороны, в специфике нарративной организации повествования. Деметафоризация топоса «книга» является общей чертой, независимо от того, какой из семантических компонентов топоса выступает в качестве центрального. Система субтопосов топоса «книга», характерная для произведений рубежа XX – XXI веков, отражает смену культурных эпох: представление о мире как тексте эволюционирует в направлении от жизнеутверждающего начала, связанного с живым книжным знанием, к образу мира-архива, где живые и мёртвые находятся в непосредственной близости, а затем к образу библиотеки-музея, связанного с миром ценностей, безвозвратно уходящих в прошлое. Таким образом, происходит музеефикация и архивизация культуры. Кроме того, писатели рубежа XX – XXI веков отказываются от обращения к временной категории «будущее». Пространство в проанализированных произведениях выступает в качестве сюжетообразующего фактора, предопределяя, таким образом, временные характеристики художественного мира. В связи с этим наиболее адекватной моделью пространства становится топос «книга», а также субтопосы библиотеки, музея, архива, букинистической лавки, которые отражают специфику мировоззрения человека рубежа XX – XXI вв. Преодоление неустойчивости исторического момента посредством литературы ставится под вопрос. Особенно остро отказ от искусства слова как источника единственно верной истины ощущается в культуре, для которой книга долгое время являлась ядром, объединяющим началом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаров, М. Ю. Библиотекарь / М. Ю. Елизаров. – М. : Ад Маргинем, 2008. – 318 с.
2. Турышева, О. Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии / О. Н. Турышева // Урал. филол. вестн. Русская классика: динамика художественных систем. – 2013. – № 1. – С. 228–243.
3. Бенигсен, Вс. ГенАцид / Вс. Бенигсен. – М. : Время, 2009. – 215 с.
4. Щербитко, А. В. Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой / А. В. Щербитко // Rhema. Рема. – 2013. – № 2. – С. 30–38.
5. Кисель, А. Память человечества / А. Кисель // Октябрь. – 2009. – № 9. – С. 166–172.
6. Глуховский, Д. Метро 2033 / Д. Глуховский. – М. : ЭКСМО, 2005. – 286 с.
7. Турышева, О. Н. Мотив чтения в структуре повествовательного сюжета / О. Н. Турышева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 1. – С. 363–371.

8. Шлинк, Б. Чтец / Б. Шлинк. – М. : Азбука, 2013. – 256 с.
9. Каминская, Ю. Пределы и возможности познания в новелле Т. Хюрлимана «Фройляйн Штарк» (2001) / Ю. Каминская // Литература и герменевтика. Феномен границы в литературе. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2010. – С. 275–291.
10. Барма, О. А. Ризоморфный лабиринт как форма восприятия библиотеки в творчестве Х.Л. Борхеса / О. А. Барма // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е, Пед. науки. – 2012. – № 15. – С. 141–144.
11. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб. : Невский Простор, 2001. – 416 с.
12. Сарамаго, Ж. Книга имён / Ж. Сарамаго. – М. : Эксмо, 2010. – 228 с.
13. Биркегор, М. Тайна «Libri di Luca» / М. Биркегор. – М. : Рипол Классик, 2010. – 560 с.

Поступила 16.04.2019

TOPOS "BOOK" IN THE LITERATURE OF POST-MODERNISM: STRUCTURE, SEMANTICS, THE FUNCTIONING

A. VAHDZEVICH

The article presents the analysis of the topos of the "book" in the literary process of the turn of 20th – 21th centuries, the specifics of the structure of a topos: as a central semantic elements are negatively labeled components of the binary oppositions that reflect the basic philosophical levels – ontological, axiological, epistemological. The structure of the topos determines the development of the plot, builds a system of characters, and also determines the chronotope of the work. Acting as a stable image endowed with spatial coordinates, the topos "book" is represented in the text by various subtoposes. For the literature of the last decade, the following spaces are characteristic: the book itself, the library (traditional spatial images, the primary interpretation of which is associated with the actualization of the idea of "living" book knowledge; however, in modern literature, developing in the framework of the trend towards the archiving of culture, even these subtopics are interpreted as negative spaces), as well as atypical loci – archive, Museum, antiquarian bookstore, demonstrating the value view of the human world of the transitional historical period.

Keywords: topic, topos "book", topos structure, subtopos, postmodernism.